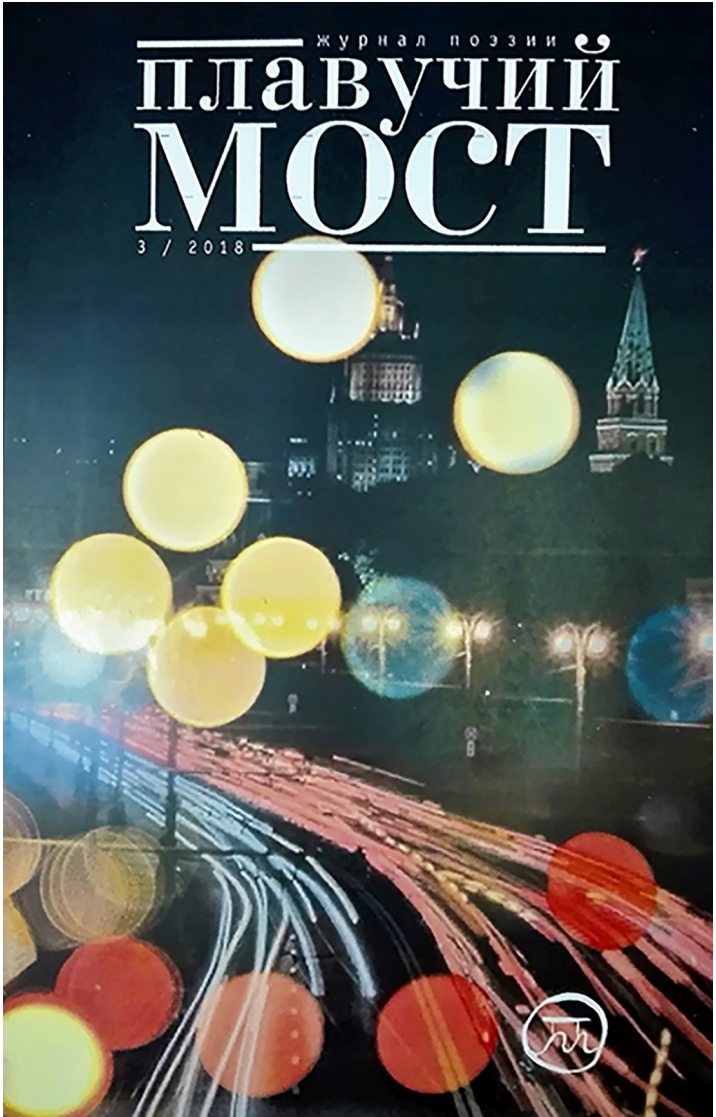

журнал поэзии
плавучий
МОСТ
3 / 2018

Коллектив авторов

Плавучий мост. Журнал поэзии. №3/2018

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39470241

Аннотация

«Знакомая и довольно грустная ситуация – на вечере поэзии в зале сидят одни стихотворцы и терпеливо ждут своей очереди, чтобы прочесть несколько собственных стихотворений. Не раз слышал от собратьев по перу горькие сетования на отсутствие читателя-слушателя. Ситуация не то чтобы новая, но как-то отчетливо обнажившаяся в последние годы…»

Содержание

Поэзия и время 6
Берега 10
Пётр Чейгин 10
«Июльские любовники ленивы…» 12
«Полозьями пресветел день…» 13
«Когда бы телом дорасти…» 14
«Двойне сорок на крыше ветряной…» 14
«Окно осенней рани. Клеть в миру…» 15
«Високосным разладом пульсаций настигнут. – Целуй…» 16
«О днях, ушедших в черный ход…» 16
«Обманулись…» 18
Майские представления 18
«Одиноче воды, по которой гулял Одиссей…» 20
«Трезвости хрустальный позвонок…» 20
«Теоретик стыда теорему дыхания учит до слез…» 21
В декабре 22
«Юра. October. Челюсти лета свело…» 24
Ответ на «Обмен» А. Кушнера 24
Сны 26
Возвращение в лето 27

Реалии 29
«У тумана весел нет…» 30
Проба-2 31
«Пройдя к подруге несуразной…» 32
«Разыщи себя в камаринском стекле…» 33
«Гуще свистящих в ветвях…» 34
Олеся Николаева 36
Антонов 36
Прощённое воскресенье 38
Быль 40
Вертеп 41
Лютер 43
Верба 44
Народная песня 46
Чуждый огонь 47
Грустная история 48
Осенний псалом 49
На смерть друга 50
Музыка 51
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Плавучий мост

© Редакция журнала «Плавучий мост», 2018
© Waldemar Weber Verlag, Аугсбург, 2018 Авторы публикаций, 2018

* * *

Поэзия и время
Геннадий Калашников
Любите поэзию, поэты!

Знакомая и довольно грустная ситуация – на вечере поэзии в зале сидят одни стихотворцы и терпеливо ждут своей очереди, чтобы прочесть несколько собственных стихотворений. Не раз слышал от собратьев по перу горькие сетования на отсутствие читателя-слушателя. Ситуация не то чтобы новая, но как-то отчетливо обнажившаяся в последние годы.

Зато какое счастье испытываешь, когда читаешь «не поэтам». Чаще всего подобное происходит в провинции, и тут вдруг обнаруживаешь, что он – терпеливый, внимательный, понимающий читатель – есть.

Понимаю, что я начал «за упокой» и говорю о вещах, давно известных, но отделаться от своих ощущений, от сложившегося положения дел не могу. Попробую все же отыскать нечто позитивное. В последние несколько лет я довольно часто езжу по стране, участвую в различных литературных фестивалях, веду мастер-классы по поэзии, работаю в жюри литературных конкурсов. И не устаю поражаться неисчислимому количеству стихотворцев. Куда бы ни занесла меня судьба – в Красноярск, Челябинск, Оренбург, Тулу, Елабугу… –

всюду есть литобъединения, группы людей, объединившихся на почве стихотворства. Вспоминаются стихи моего учителя Евгения Винокурова: . .*Все пишут стихи. / Пишет весь мир! /Я разочаровался в людях.* . Нет, я далек от разочарования, хотя порой приходится разгребать тонны графомании, но, как заканчивает стихотворение Винокуров: *Я бы возненавидел поэзию, / Люто, на всю жизнь. /Но вдруг попадалась строка…* Действительно, ради этой строки, ради внезапно блеснувшего таланта стоит и потерпеть.

И все же такое обилие пишущих и в рифму, и верлибром, да еще выражающих себя авангардистскими жестами и звуками настораживает. Хотя, казалось бы, что тут плохого? «В российской поэзии всего много, и кажется, что она сейчас так велика и обильна, как не была никогда…» – бесстрастно отмечает Сергей Чупринин. Мнение уравновешенного историка литпроцесса, знатока поэзии вроде бы, несмотря на сквозящую в нем иронию, должно успокоить, но почему-то не успокаивает. Думается, что слово «велика» здесь употреблено в значении «большая, огромная", а не в значении величавости. Большая. Да, что есть, то есть! Но обилие производимой стихотворной продукции не утешает – около 2-х миллионов (двух миллионов!) стихотворений в год выдает на гора армада пишущих стихи. При ближайшем рассмотрении мы увидим терриконы рифмованной «словесной руды», из которой невозможно добыть ни единого звенящего поэтического слова. Исхожу из собственного опыта общения с ны-

нешними стихотворцами – к огромному сожалению, большинство из них не знают, собственно, русской поэзии. Помнится Борис Абрамович Слуцкий говорил, что коли мы уж взялись за писание стихов, то должны знать русскую поэзию от Акима Нахимова до самого незаметного из стихотворцев. Он, конечно, преувеличивал, но знания не только вершин отечественной поэзии, но и поэтов второго и третьего ряда он от нас требовал. Сейчас требовать подобное, похоже, нельзя. Даже в так называемых творческих вузах я сталкивался с абсолютным равнодушием к творчеству и предшественников, и современников. Так сказать, мы сами с усами, изобретем велосипед. Только не очень получается, несмотря на все модные и сложные приемы и ходы.

Вроде бы тут не о чем и говорить – графоманов и рифмоплетов хватало во все времена. Но нынешнее их обилие, да еще подкрепленное виртуальными возможностями, мне представляется нездоровым. Тут, как мне кажется, начинает действовать обратная связь, царить круговая порука. Размываются критерии, сбиваются масштабы, мельчают ориентиры, утрачивается понятие такта и вкуса. Даже талантливому человеку трудно устоять и не поддаться соблазну написать под ту или иную премию, учитывая пристрастия ее жюри, а то и специально к развлекательным слэмам. Создаются не литературные направления, а сбиваются группки с лидером-«гением» и соответствующими вкусами и манерами. Занятие стихотворчеством превращается в некое безобидное ру-

коделие, легкое развлечение. Совершенно утрачивается подлинное понимание поэзии, допустим, такое, о котором писал Михаил Пришвин: «У нас создалась поэзия как защита против невыносимого ужаса мира. Так и помните, граждане, что поэзия не сладкое блюдо для вас, а детище страданий и ужаса…». В общем, никак у меня не получается сказать «за здравие» современной поэзии, пытаясь взглянуть на нее «с высоты птичьего полета». И в то же время я убежден, что отечественная поэзия не растратила свой арсенал, у нее далекий горизонт, где мирно уживаются и рифмованные строки, и авангардистские эксперименты, и верлибр, пока не обретший, на мой взгляд, своего русского канона. Свидетельство тому творчество подлинных поэтов-современников. Они, к счастью, есть, и их стихи – отрадные оазисы в безбрежной пустыне нынешнего стихотворства. Хочется закончить эти ворчливые заметки несколько перефразированным призывом Николая Заболоцкого: Любите поэзию, поэты!

Примечание:

Геннадий Калашников – поэт и прозаик, живет в Москве.

Берега

Пётр Чейгин
Стихотворения

Петр Николаевич Чейгин родился в 1948 г. в городе Ораниенбауме (Ломоносов) Ленинградской области. С 1955 г. живет в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Автор шести поэтических книг. Член русского ПЕН-Центра. Лауреат международной Отметины имени отца русского фуруризма Давида Бурлюка, обладатель премии «Русского Гулливера» за вклад в развитие современной поэзии.

Петр Чейгин – участник знаменитого ЛИТО Глеба Семенова, один из тех кто создавал особую поэтическую ауру культурной столицы России.

Как многие поэты ленинградского андеграунда, он не имел выхода в официальную печать. Его стихи публиковались в ленинградском самиздате, позднее проникли за рубеж.

Только в 90-е годы появились первые журнальные публикации. А первая книга «Пернатый снег» вышла в издательстве НЛО в 2007 году, когда автору было 59 лет. Это, пожалуй, своего рода рекорд.

В Предисловии к этой книге Ольга Седакова, по ее собственным словам, «многие стихи помнившая наизусть уже десятилетия», писала: «Я сказала бы, что Петр Чейгин – быть может, самый радикальный поэт поколения в своей верности языку поэзии».

Тогда же, в 2007-ом, в Петербурге вышла вторая книга «Зона жизни». Две эти книги явили изумленному читателю совершенно необычное явление: поэта на глубине речи. Поэта, в которого надо вглядываться и вчитываться с таким вниманием и, я бы сказал, с осторожностью, чтобы не пропустить мельчайших оттенков, запечатленного в слове бытия.

Этот редчайший дар Петра Чейгина в Предисловии к его «Третьей книге» (СПб., 2012) подчеркивает другой замечательный поэт – Владимир Алейников. Называя Чейгина «зорким наблюдателем реальности», органически раскрывающим суть вещей.

Может быть не случайно Петр Чейгин родился в городе, который прямо в год его рождения был переименован в честь Ломоносова! Именно Ломоносов говорил, что поэзия оперирует соединением «далековатых идей». Это сопряжение в стихах Петра Чейгина нарастает панорамически, подвигая читателя на сотворчество.

Сергей Бирюков

«Июльские любовники ленивы…»

Июльские любовники ленивы,
осокою изрезаны закаты,
и ступни ног покрыты желтой глиной.

Рукав закатан, ворот нараспашку —
в воротах окон завиднелись сваты…

Сосватан.

Горькая моя невеста
снимает серьги,
тянется ладонью…

О, забытье чесночного покоя!

Я – маленький, крупиночка среди
полночной толщи тел
на белизне материй.

Я – выбранный, все кончено,
и впредь мне —
вплетать в косицы рисовые зерна.

«Полозьями пресветел день…»

Полозьями пресветел день.
Забава легких пескарей,
в сарае бредень засыхает.

Насколько влажен был июль,
на взгляд меняющий погоду,
увидеть на исходе года
с разбега ртутного столбца.
Ты затерялся между нами
и подношенье полотенц
отложишь, должен ты понять
уловки новых состояний.
Следишь морозную игру,
двойною рамой обескровлен,
над ним то клекоты, то кроны
растущих в землю сладких груш,
и повсеместно греет пламя.

Угомонился. Засыпает.
Снегирь рябиной дорожит
и, снег роняя, улетает.
Темнеет на дворе.
Тепло.

«Когда бы телом дорасти…»

Когда бы телом дорасти
до первовиденья поляны
весенней, где черны изъяны
твоих разборчивых шагов.
Когда бы выкрикнул чирок,
о чем стремит побег мгновенный.
Когда бы объясниться мог
с кольцом, проталиной, Вселенной.
Когда бы хоть одна душа
мне описала жизнь иную
правдивее, чем я хотел…

Но глушит голос вымпел ветра.

«Двойне сорок на крыше ветряной…»

Двойне сорок на крыше ветряной
смешно поговорить о Новом годе,
когда окрестная мелодия заводит
на пьяный сверк коронки золотой

(-бы заманить на угол слюдяной
и выложить намеки о погоде).

Куда там, смехом!
Снеговой удар
сорвет захлебный приступ о свободе…

Одна мелодия по кругу хороводит,
раскладку перьев метит на дома.

«Окно осенней рани. Клеть в миру…»

Окно осенней рани. Клеть в миру.
Фасон стекла выглаживает ветер,
и вакуум фальшивый ровно светит,
нарезан на махорочном дыму.

На красном небе комариной пыли
небесная полыснет домоседа
распахиваться первому по следу,
занозы собирать узора стали.

Кому ты служишь, ласковый мой друг?
Кого твои запястья одарили?
На красном небе комариной пыли
кружит древесный пепел, белый дух.

Где черный пульс Вселенского магнита
раскладывал слова для новой речи,

ты – вылитый асфальтом человече —
вторично выверен для родового крика.

«Високосным разладом пульсаций настигнут. – Целуй…»

Високосным разладом пульсаций настигнут. – Целуй!
Обживают наделы прогнозы осознанной речи.
Пожелай на болезнь чистый холод и легкие свечи.
Цыц, погон, Бармалей! Серебряная пыль над столом.

Неоглядну житью обучивший сухую поземку
человечьи черты выбирает на пальцы и вкус.
Ниспошли горемыке отведать расейский искус,
семиграние – центром, зажги вороватую рюмку.

Полотняный учебник недолго протянет, сгорит.
Телу бедному трижды по-мертвому выпадет вживе.
Исаакий, поведай о трубном Вселенском призыве…
Чу! Погона крыло наливается пеплом зари.

«О днях, ушедших в черный ход…»

О днях, ушедших в черный ход

пастил и дрессировки Марса,
о днях пленительного пьянства,
о днях медлительных чернил…

Пока на южных берегах
холера ела,
игра на лица
в доме чистых окон
заканчивала первый оборот.

Не время говорить,
но для примера
рука моя затеяла полет
строки высокой —
оказалась сфера,
в которой бултыхалась и дурела
Луна песчаная и сохнул звездолет…

Из горла вырос корень, лепестки
слоились на ветру, пеклась фанера.
Землечерпалка вырыла химеру,
освоилась, затеяла игру.
Я сам тому виной
поводья меры
не удержал
и отношения сгорели.
Лишь дым пошел
незыблемый глухой…

Но я за все отвечу головой,
раз Вам
мои манеры надоели.

«Обманулись…»

Обманулись:
это зеленое Солнце в смороде встает.
Церемонно
укропная клумба завяла.
Даже ворох хвои,
муравьиный оплот,
слаб на зубы
и только что знает —
играет.

Майские представления

1
Еще одна замешана, ушла
в громоотводы и протуберанцы.
Наручная, оплаченная танцем.
Заплечная, плаксива и пуста.

Фронтальная Весна несет убытки,

отваром пола свитая в клубок.
Подыгрывает, тычет локтем в бок,
тапер Мазоха, голубая плитка.

Фасон стекла выдерживает день,
упорствует, но эта карта бита…
Как ночь шумна и как она сердита,
подсказка женская, подутренняя лень.

2
Пересохли глаза.
Тротуарная слизь
гонит, копит следы
разворотом для духов.
Мы сегодня случайным вином обошлись,
ледоход потеплел
черной уткой, по слухам.

Наконец.

Скоро майские силы, развейся.
Приготовь огород, посиди на могиле.
Раз на раз не придется,
весеннее действо
снова крутит строку,
да играет на месте.

«Одиноче воды, по которой гулял Одиссей…»

Одиноче воды, по которой гулял Одиссей,
хрипа трав, по которым прошел иноверец,
эхо жизни взошло, эхо года упало, и вереск
родословной скамьи свил кормушку для
солнечных змей.

Одичала любовь, спит поступок у стен бездорожья.
Чище шаг и светлей шпили гласных на кальке болот.
Раскошелится дым, заневестится демон порожний…
Выхлоп Солнца —
слеза на стекле как даргинская пуля горит.

«Трезвости хрустальный позвонок…»

Трезвости хрустальный позвонок
чище Солнца и честнее яда.
Утро рукотворного наряда —
паутина беженки наяды —
дергает за шелковый звонок.

Горько мне гореть ручной звездой

и плывущим в иле отзываться.
Горько в равном плеске называться
плавным змеем и с тобой сравняться
плоскостью, где жнет телесный зной.

Горько, что опутан правотой
тополиных муравейников Гостилиц…

Сладко бесу свадебной порой.

«Теоретик стыда теорему дыхания учит до слез…»

Теоретик стыда теорему дыхания учит до слез.
Спит просторный мороз, обнажая зародыш метели.
И невинней Невы рухнет облако грудью на ост,
вскрыв повозку созвездий, вынув Деймос из красной постели.

Как Набоков в Париже плавит кровь сестрорецкой листвы
и на память считает переливы дружка махаона,
так распластаны дни, что на первый надзорный вопрос
губы жмешь к ободку партитурного свода сирени.

В декабре

1
Я – внук Тимофея и Осипа.
Милостью мамы и пристава
ныне живущий пристойно, но пристани
не отыскавший, ссылаюсь на выступы
не алфавита, но крови и озими.

Сохнет сподвижник. (Глубинное облако
очи хоронит). Сказать ему нечего.
(Снег ошельмован картавостью вечера.
Тополь опасен). По этому случаю
я разрезаю не книгу, а яблоко.

И говорю, что ушедший не просится,
не отзовется и с нами не сбросится
ни на граммулю. Спи же без просыпа.
Он покукует вполне, как и водится.

Так усмиряю себя. Беспросветная
явь охмуряет укорами панночки.
Лижется облако. Входит заветная,
просит на водочку, с водочки – в саночки.

2
Заледенел твой адрес, пилигрим.

И пресноводная глупеет вьюга
на подвиге художника-хирурга
(когда вуалью барственной обкурки
он хлещет пол за потолком твоим).

Вот, оглядевшись, не могу понять:
о чем же мне грохочет бормотуха?
Но рюмка Блока объяснила глухо,
и граждане с абонементным слухом
уставились, без права одобрять.

А то какие-то Афины и Рязань.
Бесстыдство морга, горло мрачной лужи,
щекотка людоеда, слухи… То, что хуже…
Я пил свое. Вокруг серчала рвань.

Как водится – масштабно и на «ты».
Одной семьей стремясь напропалую…
«Дай я тебя, любезный, поцелую…
Ты у меня в крови, не отнимай персты…»

(Но это классика, а классика – липка).

3
Земля. Лопата. Вторник. Бунт синиц.
Снег Лансере. Крестьянский жуткий вечер…
Не выдам я тебя, мой подвенечный.
И на восходе самой тесной сечи,
в расцвете обнажающих зарниц,

я остужу чело твоею речью.

«Юра. October. Челюсти лета свело…»

Юра. October. Челюсти лета свело.
Гибкого холода светят конкретные знаки.
Воет осина и содрогает село…
Я это взял выяснением грима бумаги.

Я посижу у ворот каталажки Петра
рядом с тобой, но очнусь у окна на Европу.
Выбора нет и, поскольку решает судьба,
мне остается лишь малый рифмованный ропот.

Рявкнет подлодка подле умильной жены.
Нам ли не знать хромоту домотканья и скуку?
Стих остролиц и ложится на крае сумы.
Кроме нее, чем я в жизни предметной рискую?

Ответ на «Обмен» А. Кушнера

Согласно с темнотой уснула мать,
впитав укол от немощи случайной.
Луна поежилась, и гром патриархальный
настал и сжался, выплеснув на гладь

ветвистый жар часов Анаксимандра,
сцепленья ватные, привыкшие молчать.

Что платят сторожам в больших домах?
Поболе, чем охранникам в балете?
На прочие вопросы и на эти
мы ночь ухлопали на кухне между птах.
(Хотя была освоена мансарда,
но там томилось дерево в слезах.)

Ты выпит алфавитом, но вчерне.
Печататься в Отечестве неловко,
когда орудует подобная массовка,
и тело тянется к цикуте – не к струне.
(Но где-то «вне» шагнула саламандра
И обозначила признание вполне.)

Меняй тузов, квартиру и кабак,
материковый пласт и атлас судеб.
Нас щука близорукая рассудит,
в стекло зажатая, а ты – прямой рыбак,
примеривший достаточно скафандров,
хотя ты – чистый Овен, а не Рак.

Вот подоконник – трон твой и киот,
барчук брусничной кочки, данник чая.
Вот Монк, что по безумию скучая,
в дом уходил, где замкнутость живет,
где просит слова дикая Кассандра…

Монк на стене. В округе – гололед.
И негде умереть, мой Александр.

Сны

1
Час Быка наступает, не пытайся уснуть.
Все снотворные совы тебе не помогут.
Это тени Памира ложатся на грудь,
это млеет земля у порога.

Бес зазнался, балует асфальтом солдат,
твоему ли позору давать объясненье?
Слиплись звезды и сойке, покинувшей сад,
что сказать в утешенье?

2
Через месяц приснится Америка, в ней
двое в белых плащах и ребенок-воитель.
Кто нам встречу зачтет и проснется, верней,
чем сведет нас с ума белой ночи правитель?

Я живу здесь за Вас и прощаю себе
лишний жест и питье на границе канала.
Я живу здесь от Вас, и, отмерив семь бед,
я готов на ответ для райка и для залы.

3
Враг врага моего, твой разумен ли хлеб?
И во что ты играешь на этой лужайке?
Ты загонишь козу в опорожненный хлев
и раскрутишь свой сон на отцовской фуфайке.

Ты есть жизнь среди жизни, которой бы жить…
(В Поднебесной, как в бане архангельской – глухо.)
Если терпят тебя, то за свойство любить
за пределами зренья и знанья, и слуха.

4
Чем мы располагаем? Все – слова.
Слова и сны, и между ними – эхо,
и сольный смех, и тяжести, и ухо
Держителя, что милости ковал.

– Так что же я на чистых этих снах,
Отца встречая, трепещу с ответом?..
Что делаю на этом свете?
– Этом?

Возвращение в лето

1
Безжалостная ласточка заката

капризничает, рвется за ограду
оравы облачной, зашедшей на постой.
Не огорчай, прижми, крылом укрой.

Я видел сны, прекрасные порой,
но клятые марали суть полета,
не ведая, что он не той породы,
что мы привыкли видеть под горой.

А за горой реактор жертву ждет,
и царь-девица в пасть ему идет,
чтобы спасти от глада поколенья
детей, не знавших правды и печали,
которым звери пели и качали
их люльки в розах, не знававших тленья.

2
Влажно еще, госпожа, в приближенных лесах.
(Переведи мне из хроник о кошке и мышке.)
Влаги паучье скольженье уместно в слезах,
на территории лета не хочется слышать
плеска и рева великих небесных коров.
(Марфе для действия выдана роза ветров.)

Полдень. На пастбища памяти роза шатров
вышла сережки просить на краю ойкумены.
Ополоумела, что ли? Дать ей шаров
с елки берлинской, отмыть и казнить за измену.
(Розам негоже шататься по злачным краям

это советует деве и деда Хайям.)

Вечер блестящей грозы накормил пауков.
Ярче следы госпожи на траве безответной.
Вязы молчат, и до снятия их париков
переведи мне из хроник о переписке секретной
кошки корявой соседа, вкусившего лунный оскал,
с мышью ворчливой, что грел на груди Ганнибал.

3
Отпуск из воска, там электричка молчит,
и надрываются пчелы, виясь над малиной.
Марки мусоля, на клумбе ребенок ворчит,
праведный ястреб ласкает небесную глину.
Я обретаю ее, если в поле закрою глаза
и зависаю над липой, полной прохладного меда.
Дышит слеза, отзывается в море гроза,
шепот медянок с обочины Божьего следа.

Реалии

Леве Васильеву

Полынья. Не помню имени
семени на дне поляны,
опечаленного пламени
вознесенные изъяны

верескова рода-племени.

Поводырь махорки матерной
из лукошка комья пряжи
выстроил на скверной скатерти,
среди них котенок ляжет
пульсом нежности и памяти.

Ветер деда за горою
разбирает лист на кладбище.
Нищете глаза закрою:
не смотри на двор и пастбище —
горе местного покроя.

Дешевеет дождик. В иней
смех шипит на перекрестке.
Ты перекрестись и выпей
ужас тихий из наперстка —
грех Михнова перед Веней.

«У тумана весел нет…»

У тумана весел нет.
Дверь на кончике проспекта
Запелената в жилет.
Резким дворником пропета.

У реки ступеней нет.
Небо пляжа оголяет
Нераскрашенный рассвет.
У вдовы собака лает.

Я верну тебя горе
Македонского замеса.
Гд е ягнята в серебре
Колокольцев от Рамзеса.

Гд е почтенная трава
На обедню точит пальцы
У раскованного рва
Засыпают погорельцы.

Ты да я и тень в тетрадь.
Тень фонтана подземелья…
Местью иволги размять
Песен рисовые комья.

Проба-2

Град Сиверской терзает сучий хвост
чванливой туче, жрущей Ломоносов.
У тамошних матросов нет вопросов,
они идут построчно на погост,
как с корабля на бал без папиросы.

Жена ушла в сельпо за абрикосом.
Тимура телка, Пиррова вдова.
Она была по своему права,
когда шпыняла снегом эскимосов.

Твой гопник на обоях ловит розу,
где не растет народная трава,
витает лебедь в трепете морозов.

Такие, мой дружок, метаморфозы
распахивает устная молва,

на чашку дуя и роняя слезы.

«Пройдя к подруге несуразной…»

Пройдя к подруге несуразной
На кровный чай
Блуждай по «списку безобразну»
И примечай

Пращу прямого вдохновенья
Руки прямой
Над издыхающим мгновеньем
Вины земной

Владея Меккой этикета
Себе ровня
Местоимение поэта
Пером храня

На ровной мгле самозабвенья
Скрепил настрой
Иного зренья и томленье
Струны иной

И властен милостью страданья
Тебя понять
Не затвердить его молчанья
Не разгадать

«Разыщи себя в камаринском стекле…»

Разыщи себя в камаринском стекле
Пузырьком проточным стеклоправа…
Велика для четверга оправа
И звезда щебечет на игле

Жесткой прачки зимнего помола
Вынесшей неделю как струю
Талой жизни. Для нее в раю
Жжется место. Видимо посмела

Крепкая забрать себя на грудь
Невозможным маятникам веры…
Много ветра прежнего размера
Крошится и валится на путь

И на брови… Я тебя не выдам
Не проснусь. Не вытолкну платок
Неразрывный. Ясен ястребок
На ковре отца видавшем виды

«Гуще свистящих в ветвях…»

«Говорю Вам, что…»

Гуще свистящих в ветвях
Перьев опрятных мазки
Сыграны в сточных полях
Где паровозов свистки
Тужатся в лужах. Нерях
Перебери у тоски.
Цель еще можно спасти
Вырастив снасти.

Цель переброс за висок
Свыше накормится топь
Рвотным дождем. Завиток
Трона и грома на лоб

Конюха ляжет. Высок
Телом хозяина гроб
Выше хозяина – рябь
Взгляды уверенных рыб.

Конюх, делил ли сургуч?
Выдох и поступь полка
Сверят портфели. Кивач
Не напоил облака
Мох у копыта колюч
Кровь и олень не алкал
Конюх, сорвется река
И голышом катыша…

Не отрываясь на снег
Не запинаясь на грех
Бык говорите пег?
Груб говорите мех?
Люден и красен век
Черен у края смех
Скошен и влажен текст

Олеся Николаева
Стихотворения

Олеся Николаева – поэт, прозаик, эссеист, профессор Литературного института им. Горького. Автор более пятидесяти книг стихов, прозы и эссеистики. Лауреат многих литературных премий, в том числе – национальной премии «Поэт», премии им. Бориса Пастернака, и Патриаршей литературной премии. Стихи, проза и эссеистика переводились на многие языки мира, отдельные книги были переведены на французский, испанский, английский, китайский, греческий, румынский и болгарский языки. Живёт в Переделкине.

Антонов

Мне жаль Антонова! Нет-нет,
он жив, а что пропал – едва ли:
его на станции «Рассвет»
и в «Толстопальцево» видали.
А что изганник – да! На дверь
ему указано: на днище,
ведь и казённое теперь
его отобрано жилище.

За что? На то был свой резон:

он крепко пил! Какие бредни?:
Доцент свалился на газон,
хватая куст, как шанс последний…
Какие лекции? При чём
желанье, чтобы – без огласок,
когда сам лектор вовлечён
в ристалища теней и масок?
В гуденье рифм, в борьбу идей…
Он видит в родине чужбину:
там хам грядет, а там халдей
затаптывает жемчуг в глину.

…А я ведь помню век такой,
когда меж снобов и долдонов
изящный, с легкою рукой,
по институту шёл Антонов.

И ворот свежий, и лица
простая лепка так опрятна,
и вкрапленная хрипотца
в негромкий голос – деликатна.
Стихи писал. Молва плела:
«мертворожденные», что кокон.
Литературные дела
все побоку, всё мимо окон.

Сколь многие поймут его!
Во тьме, стирающей различья,
так просто обрести родство:

что птичья кость, что жила бычья!
Идти туда, где гуще мгла,
где все свои за плотной тенью,
ждать отзвука, искать тепла,
и петь хвалу самозабвенью!

Так где искать его? А у
ворон не спросишь: «Где Антонов?»
Иди, кричи свои «ау»
среди бомжатников и схронов.
Выходит, муравей в овсе
заметней человека в силе?

Притом – его любили все!
Мы все Антонова любили!

Прощённое воскресенье

В России Хронос побеждён,
к пространству пригвождён:
с погодой слит, с рельефом свит
и звёздами блазнит.

Здесь Ленин Сталина дерёт
за рыжие усы.
Здесь Сталин Ленина ведёт.
схвативши под уздцы.

И птица Сирин здесь поёт
невиданной красы.
И в недрах – Древний Змей живёт,
и в кузнях – кузнецы.

Башмачкин мокрый снег жует,
Тряпичкин жжёт чубук.
И Клячкин открывает рот,
да вырубили звук.

Все рядом: там – приказчик пьян.
Ямщик попал в буран.
Святая Ольга жжёт древлян,
бьёт заяц в барабан.

Бомбист таскает динамит,
язык ломает фрик,
чело Державина томит
напудренный парик.

И стелятся туман и дым,
и Врангель входит в Крым.
Прощается славянка с ним,
а я останусь с ним.

Эпох сливаются слои,
хоть в славе, хоть в крови,
где все чужие – как свои,

пускай и визави.

Глядит зелёная звезда,
Земля пред ней, что взвесь,
и говорит, что навсегда
мы вместе будем здесь!

Быль

Как позвал Илья-Пророк Угодника Николая
обойти нашу землю, пройти полями-лугами.
И пустились в путь, ничего здесь не узнавая,
невесёлыми ступали ногами.

Наконец встретили дурачка на поляне.
Решили порасспросить о мире, о человеках:
– А есть ещё наши люди? А где крестьяне?
А где пушные звери в лесах?
Где рыба в реках?

Где пахари и косари, что встают до свету?
Есть ли ещё мужики в этом народе?
Отвечает им дурачок:
– У нас теперь этого нету:
ни мужчин, ни женщин. Каждый одевается по погоде.

Все теперь ровня – жена ли, муж ли: у всех застежка на

брюхе.
Мужики рожают, бабы платят, а дети
отрываются и балдеют, а старики и старухи
сидят в фейсбуке и в интернете.

– Ну а молитва? А песни свои поются? —
спрашивают странники.
Отвечает им бедолага:
– Да песни как раз найдутся,
хотя бы вот эта, где «м-м» и где «джага-джага».

И пошли Илья-Пророк со святым Угодником – Божьи птицы,
головами качают, услышанное никак не свяжут.
И вдруг засмеялись оба:
– Экие небылицы!
Кто у дураков-то спрашивает? Они и не то нам понарасскажут!

А дурачок собрал убогих, сирых и малых
и пересказывает им подробности этой сцены:
– Они думали, я не знаю… Но я узнал их!
Ждут нас счастливые перемены!

Вертеп

Провинциальная гостиница:

там все – торговец, мытарь, нелюдь.
Люд пришлый не спешит подвинуться,
чтоб странников впустила челядь.
У всех – сердца до верха заняты:
желудочки, мешки предсерьдья,
забиты уши, очи залиты,
и сжаты губы от усердья.

Битком набито всё и заперто.
«Нет мест!» – из-за дверей хозяин.
Осёл почти свалился замертво.
Иосиф выше сил измаян.
Мария скрылась светлоликая
под плотным тёмным покрывалом.
И на пустыню безъязыкое
селенье облик поменяло…

Моё же сердце – место дикое:
здесь сумрачно, здесь ветры злее,
здесь бродит зверь, ночами рыкая,
здесь привидения и змеи.
Но путники изнеможённые
тут опускаются на камни,
под эти своды обнажённые.
Как принимать мне их? Куда мне?

…О, сердце! Ты – вертеп таинственный,
срываешься на верхних нотах,
когда рождается Единственный

Младенец там, в твоих темнотах!
И что до ангельского пения,
звезды, волхвов и волхованья,
когда Младенца дуновение
коснулось твоего дыханья…

Лютер

Девяносто пять тезисов доктора Лютера – смута
заразительна.
Высокомерно вступает в права
незаконный наследник и бастард. И пялится люто,
шевеля волосами, отрубленная голова.

Вся Европа в бреду. Рвутся швы. Реки бьются в падучей.
В Ватикане изжога, и тянет, ему вопреки,
Ветхий Деньми Свои узловатые пальцы из тучи,
но Адам отвечает капризным изгибом руки.

И повсюду уже расползлась эта весть, эта повесть, —
говоришь «человек», а находишь надрыв и разлом:
это плоти диктат, это разума спесь, это помесь
павиана с павлином, а то и косули с козлом…

Доктор Лютер, когда б хоть во сне вы предвидеть могли бы,
ядовитые гвозди вбивая в церковный каркас,

как ползут и ползут мрачнолицые парни Магриба:
шесть веков они ждали,
и время их вышло на вас!

Встретит весь Виттенберг их с улыбкою, пивом и миром,
и в немом изумленье воззрятся на этот комплот
европейские ангелы, плотно увитые жиром:
этот – с видом рантье и с лицом бакалейщика – тот.

…Удивительно ль, что мы тут ищем подкопы, подвохи,
дыры в жизненной ткани, сучок в европейском глазу,
гвоздь в двери виттенбергской, рычаг, за который эпохи
мрут, как мухи, и тонут в тазу.

Верба

Помню, как остывали
звёзды в реке ли, в чане,
выли, на помощь звали
бабы-односельчане.

Как кричала неясыть
в полночь, когда счастливца
здесь забивали насмерть
два бугая-ревнивца.

Кости ломали, жилы

рвали, аж кровь кипела —
за молодые силы,
за красивое тело.

За лицо – без изъяна,
статный стан без ущерба,
где одна средь бурьяна
лишь молодая верба.

За глаза – без порока,
кожу – белее мела.
И засохла до срока
верба да почернела.

Словно смерть человечью
взяв себе, в день воскресный
молодца – вербной речью,
силой своей древесной,

ветками оплела,
листьями обложила,
на ноги подняла,
соками опоила…

Бабы о вербе той,
пьяны, хмельны ль, тверёзы,
песни слагают, —
пой
с ними,

глотая слёзы…

Народная песня

Не ругай меня, жена,
что я ёрш, что я ёж.
У кого внутри война,
у того снаружи – нож.
На ночной наждак луна
проливает чистый шёлк.
Не кори меня, жена,
что я вол, что я волк.

Волчьей ягодой полна
жизнь колючая – колись.
Не стыди меня, жена,
что я лось, что я рысь.
В меня речка влюблена,
понимает меня ель.
Не ревнуй меня, жена,
что я лис, что я – лель.

То я вепрь, а то я выпь, —
со своей землёю схож:
звёзды в небе – моя сыпь,
зыбь на море – моя дрожь.
Как напьёшься допьяна,

мир припрячешь в кулаке,
глядь – а в нём твоя страна:
нос хмельной и в табаке.

Пляшет, плачет старина,
шарят тени по кривой:
не качай им в лад, жена,
грозной птичьей головой.
Всё, что видится извне —
возникает изнутри…

Тише! О своей войне
никому не говори!

Чуждый огонь

Чем холоднее и пустыннее на сердце – тем верней навстречу
и желтоглазое уныние, и косоротое злоречье…
Идут, хромцы, сосредоточенно, угрюмы и неутомимы,
то рощами, то вдоль обочины, на вид – простые пилигримы.
Но в ком заметят червоточины, тех окружают, обнуляют,
и вид на жительство просроченный слюной на темя налепляют.

…Я знала тех, кто долго мыкался: то замирал

кариатидой,
то лес валил, то в стены тыкался и кто не справился с обидой.
И стал кормить в себе томление, пока сквозь мысленную стужу
отчаянья и озлобления огонь не вырвался наружу.
Он тлел в подполье, злые жалобы шипели, лопаясь под спудом,
чтоб вспыхнуть вдруг: пора настала бы Надава вспомнить с Авиудом.

Как те страницы ни пролистывай, как голову ни прячь в тумане,
всё видишь их огонь неистовый, самих же попаливший в стане.
…О, как бы жить, себя не мучая: ни власти не желать, ни славы,
изъять из сердца сны горючие и жароплавкие составы.
Из облака сине-зеленого торчат чадящие затылки.
Боюсь, по запаху палёного Творец найдет нас у коптилки.

Грустная история

Школьницей, девицей, птицей
нездешнею,
как ты сияла улыбкой безгрешною! —
Так и осталась в том давнем году —

белою лилией в чёрном саду.

Что же потом с тобой сделалось? —
ржавая
музыка эта, ухмылка лукавая…
Так и порхала у всех на виду
чёрною бабочкой в белом саду.

Ты ли сама или время проклятое?
Тучная, траченная и помятая
встала и загородила звезду
ягодой волчьею в чёрном саду…

Так увядает и никнет несчастная
грешная плоть, небесам не при
частная,
чая очнуться и грезя в бреду
белою лилией в белом саду.

Так – неопознанную, безымянную —
похоронили с рогожею рваною,
перекрестили тайком на ходу…
Что-то да вырастет снова в саду.

Осенний псалом

Осенью говорят деревья, от куста передают кусту:

оставь себе лишь себя, оставь себе простоту,
готовься к бедности, к сирости, к холодам,
к Рождественскому посту…
Осыпаются листья, отрываются пуговицы, ветер к ночи все злее.
Все у тебя отберут – роскошь, молодость, красоту,
а кураж и сама отдай, не жалея.

Нитки висят, лохмотья, прорехи в кроне, дыра
прохудилась в роще, густоволосой еще вчера,
и не надейся: готовься, уже пора —
к скудости, к безголосым птицам, на руках цыпки.
Только б концы с концами свести! Иней уже с утра.
Да, но и бедность тоже умеет играть на скрипке!
Так говорят деревья, так говорят кусты:
есть и у нас псалмы, есть и у нас персты.
И стоят посреди зимы, как в пустынном зале.
Музыка чуть слышна, и рифмы совсем просты:
вот, мы протягиваем вам руки – смотрите, они пусты,
всё мы отдали вам и ничего не взяли!

На смерть друга

С. С.

Земля скорбит и с ветром на паях
поёт прощание шмелям и черным розам

да всхлипнет вдруг…
А у неё в друзьях
лишь меланхолия с анабиозом.

И заразителен печальный этот вздох.
День выдохся и сдулся, двинногривый.
Конвой устал, и спёкся скоморох,
и сдался муравей трудолюбивый.

И если даже знать, что мир-труд-май,
что жизнь – борьба на рубеже эпохи,
ты страсть к победе запихнёшь в сарай,
потратишь дни на ахи и на охи.

Ты бродишь в снах, клубишься, как туман,
и время вспять пытаешься подвинуть.
Спроси: зачем земля себе в карман
кладёт людей и забывает вынуть?

Музыка

Это сценки детства: солнце воду пьёт, —
папа молодой, берега родные,
птичка под моим окошком гнёздышко для деток вьёт…
Все картинки, все переводные.
Кто-то налепил их – ляп! – на сердце мне:
перевёл, потёр, снял лишнее, и в цвете

вся я в тех картиночках: в звёздах и луне.
Музыка застыла в золотой карете.

На весу в балете. Звук прилип к рожку.
Дверью в тёмный шкаф прикрыты злые вести.
А в лесу лисица своему божку
лестницу сплетает из волшбы и лести.

И когда средь мира я выставляю зонд,
как подлодка, высмотреть, место ль – не гнилое? —
из картинок этих мне раскрывает зонт
небо с мутным зеркальцем: вечное былое.

Я хожу и вслушиваюсь, обращаюсь вспять

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.